
Табунков В.Д.

24 ГОДА В СахТИНРО

Летом 1965 года после окончания Казанского государственного университета (КГУ) я решил поехать на Сахалин. Еще в студенческие годы мне довелось участвовать в морских экспедициях по изучению гидробионтов в Северной Атлантике, где приобрел навыки гидробиологических исследований и «заболел» морем. Написал письмо в Сахалинское отделение ТИНРО с просьбой принять меня на работу, приложив рекомендацию заведующего кафедрой беспозвоночных КГУ профессора В.Л. Вагина. Вскоре пришел ответ от директора А.И. Румянцева с предложением должности младшего научного сотрудника в лаборатории промысловых беспозвоночных и водорослей, и уже в начале октября я прибыл в поселок Антоново, где тогда располагался институт.

Заведующий лабораторией В.А. Скалкин предложил мне заняться изучением биологии и состояния сырьевых ресурсов мактры сахалинской в бухте Лососей (залив Анива). В то время рыбная промышленность Сахалина была ориентирована в основном на судовой промысел морских рыб в шельфовой зоне, а прибрежным промыслом осваивались только лососевые, навага, в некоторой степени сельди и водоросли (ламинария и анфельция). Беспозвоночные, кроме камчатского краба и приморского гребешка, возможно, из-за слабой изученности их ресурсов и отсутствия опыта и орудий лова, не представляли интереса для рыбной промышленности. Но я с энтузиазмом взялся за «мактровую» тематику. Как впоследствии оказалось, это была не мактра, а спизула (*Spisula sachalinensis*). Трудность изучения спизулы состояла в том, что этот моллюск обитает в верхней сублиторали до глубины 10–15 метров, к тому же зарывается в песчаный грунт на глубину до 15 см. Орудия лова для полноценного сбора материала не было, гребешковая драга собирала бентос только с поверхности грунта. Пришлось сконструировать особую зубчатую драгу, способную зарываться в грунт на нужную глубину. Основной же биологический материал пришлось собирать при многокилометровом пешем обходе литорали во время отливов. К сбору количественного материала в сублиторали привлекались даже водолазы в тяжелых гидрокостюмах. В результате этих исследований были даны практические рекомендации по промыслу спизулы. Но запасы моллюска были не столь велики, чтобы привлечь внимание промышленности.

На следующий год мне была поручена тема «Биология и состояние сырьевых ресурсов нукуланы (*Nuculana pernula*) в заливе Терпения». Запасы этого моллюска, впервые обследованные В.А. Скалкиным, были довольно значительными. Добыча нукуланы могла вестись гребешковой драгой, к тому же район промысла располагался недалеко от приема-перерабатывающего завода. Объектом заинтересовался Сахалинский облрыбколхозсоюз и, в частности, рыболовецкий колхоз имени Котовского (поселок Стародубское). В 1968 году по нашим рекомендациям был организован экспериментальный промысел нукуланы и производство из нее минерально-органической муки для птицеферм. К сожалению, этот промысел вскоре был остановлен по экономическим соображениям и из-за трудности переработки сырца.

В 1967 году, по ряду обстоятельств, мне пришлось уйти из лаборатории. В ответ на заявление об уходе из лаборатории А.И. Румянцев предложил мне заведование музеем СахТИНРО. Я согласился с условием, что мне дадут научно-исследовательскую тему. Поскольку изучение промысловых объектов было прерогативой лаборатории промысловых беспозвоночных, мне была предоставлена возможность выбрать факультативную тематику, не связанную с работами лаборатории, но по моему гидробиологическому профилю. К тому времени в Зоологическом институте АН СССР (г. Ленинград) стало развиваться биоценологическое направление в гидробиологии. Разработчиками этого направления и новых методов биоценологических исследований верхних отделов шельфа были известный малаколог и гидробиолог А.Н. Голиков (впоследствии мой аспирантский научный руководитель) и сотрудник его

лаборатории О.А. Скарлато. Методологическая новизна этих исследований состояла в применении легководолазной техники. В 1967 году эта методика была применена и в СахТИНРО при изучении запасов морских водорослей. В связи с этим при лаборатории беспозвоночных и водорослей была организована водолазная группа. В эту группу были приглашены недавно демобилизованные из ВМФ молодые, но опытные водолазы О.А. Куприков, А.В. Насонов, А.Д. Вялов и Н.Е. Левченко. К своей работе они относились очень ответственно и творчески. О. Куприков при изучении водорослей стал применять подводную фото- и видеосъемку. Для этого он с инженером лаборатории техники промышленного рыболовства А.Я. Мезисом сконструировал и изготовил специальные боксы для кино- и фотоаппарата. Кроме того, О. Куприков был соавтором

На съемке по нукулане
в зал. Терпения, 1967 год

и участником создания первых подводных домов. Испытания первого подводного дома проходили на Черном море под Геленджиком. А среди первых испытателей этого дома был А. Насонов.

С моей стороны было бы ошибкой не воспользоваться таким благоприятным стечением обстоятельств – возможность выбора тематики исследований и возможность воспользоваться услугами водолазной группы, которая в плановой тематике была загружена довольно ограниченное время. Уже тогда мне стало понятно, что для полноценных рекомендаций по рациональному использованию морских биологических ресурсов, исследований только по отдельным видам недостаточно. Необходимы комплексные исследования взаимоотношений этих видов в экосистеме в целом, их роль в биоценозах и в формировании биологической продуктивности, которые позволят разработать оптимальные рекомендации по эксплуатации их ресурсов с сохранением экосистемы и экологического равновесия. Биологические ресурсы верхних отделов шельфа Сахалина (до глубины 20 м), за исключением морских водорослей, на то время были практически не изучены. С учетом этих соображений я предложил директору внести в план исследований тему «Донные биоценозы сублиторали юго-западного Сахалина», которая позволяла начать изучение не только биоресурсов донных беспозвоночных и водорослей, но и их роли в биоценозах и в биопродуктивности. Тема А.И. Румянцевым была утверждена, и я был назначен ее исполнителем. Первые такие исследования были проведены летом 1967 года, по результатам которых был представлен научный отчет «Биоценозы верхней сублиторали у мыса Лопатина». Эта работа и послужила для меня трамплином для поступления в аспирантуру и защиты диссертации.

В 1970 году Япония через советско-японскую рыболовную комиссию запросила разрешения на ввод малотоннажного рыболовного флота в тихоокеанскую 12-мильную зону островов Малой Курильской гряды для промысла морских водорослей и беспозвоночных. Однако, рыбохозяйственных исследований по этим объектам к этому времени ни СахТИНРО, ни ТИНРО не проводили, и состояние биоресурсов, особенно беспозвоночных, не было известно. Из Министерства рыбного хозяйства в СахТИНРО поступило распоряжение о проведении внеплановых исследований по распределению и состоянию запасов беспозвоночных на шельфе этой зоны. Выполнение задания было поручено мне.

Экспедиционные работы проводились с судна типа РС в июле и августе. В рейсовое задание входила тралово-драгировочная и водолазная съемки в шельфовой зоне вокруг всех островов Малой Курильской гряды, включая и острова-скалы. Водолазную группу возглавлял О. Куприков, в нее вошли А. Насонов, А. Вялов и Н. Левченко, гидрологические наблюдения выполнял океанолог В.Г. Дзех. В результате этой экспедиции были впервые получены материалы по распределению и разработаны предварительные рекомендации по промыслу камчатского, колючего и волосатого крабов, серого морского ежа, приморского гребешка, япономорской голотурии, осьминога, креветок

и брюхоногих моллюсков. Конечно, это был главный результат экспедиции, но не могу не упомянуть феноменальное достижение водолазной группы.

В тот период погружение легководолазов под воду обязательно производилось со страховочным тросом. Кроме того, погружение на глубину более 60 метров разрешалось только со специальным аппаратом на азотно-кислородной смеси. Никаких проблем с погружениями водолазов у нас не возникало до подхода на одну из станций. На этой станции заканчивался водолазный разрез, но оказалось, что там глубина была 82 метра. Естественно, погружение здесь водолаза без специального оборудования и без декомпрессионной камеры на борту судна было довольно опасно. Но после длительного совещания О. Куприков, как старший водолазной группы, настоял на выполнении станции, взяв на себя под расписку всю ответственность. Как я уже писал выше, это были опытные водолазы, которым приходилось в армии совершать кратковременные погружения на аналогичные глубины. Тем более, что водолаза контролировали страховочным тросом.

Задание водолазу было не сложное. Достигнув дна, он должен был собрать с 1 кв.м грунта всех беспозвоночных в питомзу. Под воду пошел А. Вялов, а на страховке стоял О. Куприков. Главное в этом погружении было чтобы водолаз

Вялов А.Д. перед погружением.
Южные Курилы, 1970 год

не потерял сознание от кислородного отравления. До дна Анатолий дошел довольно быстро, пробыл там утомительных и тревожных для нас 3–4 минуты и подал нам сигнал на подъем. Это подтвердило, что он был в здравии. По графику подъема водолаза с такой глубины требовались остановки на определенных горизонтах для прохождения декомпрессии во избежание развития кессонной болезни. Поэтому подъем водолаза проходил намного дольше погружения. В это рекордное погружение в институте не поверили, а главный бухгалтер отказывался выплачивать положенное за него вознаграждение. Спасла выписка из судового журнала, и рекорд погружения А. Вялова на 82-метровую глубину был официально подтвержден.

После расформирования водолазной группы А.Д. Вялов был зачислен в штат лаборатории промысловых беспозвоночных и водорослей на должность инженера и поступил заочно в Дальневосточный университет. Под руководством В.Ф. Сарочан он занялся изучением ламинарии Южных Курил.

В начале 1970 года во время командировки в Южно-Сахалинске я, волею случая, встретился с А.Н. Голиковым и О.А. Скарлато (ставшим к тому времени заместителем директора ЗИН АН СССР), которые возвращались из Курильской экспедиции в Ленинград. Из нашего разговора я узнал, что они знакомы с моей

работой по составу и структуре биоценозов сублиторали у мыса Лопатина. А.Н. Голиков сообщил, что в его лаборатории хранится большой материал его сахалинской экспедиции 1963 года по водолазной съемке верхней сублиторали юго-западного Сахалина. Материал по отдельным группам и видам был обработан специалистами Зоологического института, а вот свести его в биоценологическую структуру было некому. А.Н. Голиков предложил мне поступить к нему в аспирантуру и заняться этим материалом. Я пообещал подумать. Мне нравилась моя работа, да и с Сахалина мне не хотелось уезжать. Единственным вариантом было поступить в заочную аспирантуру или получить направление в целевую аспирантуру. Направление мог дать только директор центрального ТИНРО или его заместитель. И тут судьба вновь оказалась ко мне благосклонна. Летом 1970 года в Антоново

А.Н. Голиков, сахалинская экспедиция 1963 г.

приехал зам. директора ТИНРО И.П. Леванидов, который подписал мне направление в целевую аспирантуру. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в декабре 1974 года я вернулся на работу в лабораторию промысловых беспозвоночных и водорослей.

К тому времени директором Сахалинского (уже филиала) ТИНРО был назначен В.Н. Гиренко. О Владимире Николаевиче много написано в предыдущих изданиях, посвященных юбилеям СахТИНРО. Тем не менее, следует еще раз отметить, что он сделал очень много ценного и полезного для института. Благодаря его настойчивости, в январе 1975 года институт был переведен из поселка Антоново в Южно-Сахалинск, что благоприятно сказалось на научной деятельности коллектива, расширении связи с промышленностью и улучшении жизни сотрудников.

Для временного размещения института Сахалинский облрыбколхозсоюз предоставил 1,5 этажа своей гостиницы. Из-за недостатка площади пришлось провести реорганизацию лабораторной структуры филиала. Одной из главных целей В.Н. Гиренко, как директора, было строительство собственного здания института. Для этого необходимо было добиться от Министерства разрешения на проектирование здания и включение его в финансовый план. Сложность состояла в том, что финансирование проектирования и строительства рыбохозяйственных объектов проходило исключительно через региональные рыбохозяйственные объединения, в данном случае через Дальрыбу. В свою очередь Дальрыба, исходя из своих соображений о первоочередности, утверждала планы

и финансирование строительства по областным управлениям, в частности, через Сахалинское управление «Сахалинрыбпром». Однако, появление в планах Сахалинрыбпрома нового объекта, непосредственно не связанного с производством, было для управления, мягко говоря, нежелательным. Для того, чтобы добиться финансирования проектирования здания института, В.Н. Гиренко пришлось потратить 10 лет, и, благодаря его настойчивости, в план финансирования проектных и строительных работ Сахалинрыбпрома все же был включен проект здания СахТИНРО.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов рыбная промышленность стала интенсивно пополняться новым добывающим флотом. Разведанные к тому времени биоресурсы и районы промысла уже не могли обеспечить потребности и мощности добывающего флота. Поэтому перед рыбохозяйственной наукой встала проблема поиска новых районов и объектов промысла. Учитывая потребности рыбной отрасли Сахалинской области, СахТИНРО стал расширять исследования новых объектов и районов промысла в Сахалино-Курильском бассейне. Практически эти исследования осуществлялись, по возможности, в каждой экспедиции, так как организовать специализированные экспедиции было трудно из-за малого количества научно-поискового флота. Тем не менее, в январе 1969 г. центральный институт ТИНРО изыскал возможности и выделил СахТИНРО научно-исследовательское судно СРТМ «Тунгус» для проведения тралово-акустической съемки в районе тихоокеанских вод, прилегающих к восточной части о. Хоккайдо и Южным Курильским островам. Я был назначен начальником экспедиции, ихтиологические работы были поручены ихтиологу М.А. Дарде, гидробиологические работы – К.Г. Галимзянову. В те годы в международные правила рыболовства еще не были введены 12-мильные экономические зоны, и наши траловые съемки проводились за трехмильными территориальными водами о. Хоккайдо от Сангарского пролива до Малой Курильской гряды и далее вдоль островов Шикотан, Итуруп и Уруп.

В конце февраля началось обследование шельфа о. Итуруп. В этом районе на глубинах от 80 до 200 м были обнаружены очень плотные промысловые скопления минтая. На основании полученных материалов руководству Дальрыбы и Сахалинрыбпрома была дана радиограмма с рекомендациями направить группу промысловых судов в обследованный район для организации экспериментального промысла. Через неделю в район прибыла группа добывающих сахалинских судов во главе с плавбазой «Советский Сахалин», подтвердившая открытие и перспективность нового района. На следующий год там был развернут крупномасштабный промысел минтая.

После возвращения из аспирантуры в СахТИНРО мне были поручены исследования ресурсов промысловых беспозвоночных в Татарском проливе и на охотоморском шельфе Сахалина. Главными объектами исследований были креветки, морские ежи, некоторые видов крабов, япономорская голотурия и другие сопутствующие виды. В результате этих исследований были даны

первые рекомендации по промыслу креветок, морских ежей и командорского кальмара в Татарском проливе.

В январе 1977 года из СахТИНРО уволился заведующий лабораторией морских промысловых рыб и океанографии Ф.Г. Швецов, и В.Н. Гиренко предложил мне возглавить лабораторию. Я не был уверен в том, что справлюсь с этими обязанностями, поэтому согласился только на должность и.о. зав лабораторией, а в сентябре этого года директор утвердил меня в должности заведующего. Как биоценолог я понимал, что изучение только биологии и состояния ресурсов отдельных видов недостаточно. Нужны экосистемные исследования, выявление роли любого вида в экосистеме и его взаимосвязей с другими видами. Без этого невозможна разработка рекомендаций по их действительно рациональной эксплуатации. Для внедрения этого направления в лаборатории имелись все необходимые условия: в штате лаборатории, кроме ихтиологов, был гидролог и планктонолог. К этому времени в головном ТИНРО профессор В.П. Шунтов начал масштабные экосистемные исследования в Охотском и Беринговом морях, которые, исходя из состояния экосистемы, позволили прогнозировать численность всех промысловых видов и корректировать прогнозы по их вылову. Такой подход к исследованиям я предложил использовать и в нашей лаборатории. На следующий год в плане исследований СахТИНРО была утверждена тема «Изучение экосистемы залива Терпения». Для более полного изучения взаимоотношений промысловых рыб в экосистеме в лабораторию была приглашена специалист по питанию гидробионтов Э.Р. Чернышева. Изучение бентоса, как кормовой базы донных рыб, осуществлялось мной, исследования по планктону проводились гидробиологом Н.А. Федотовой, материалы по видовому составу рыб и структуре их популяций обеспечивали ведущие ихтиологи лаборатории Г.М. Пушникова, В.В. Пушников, С.Н. Сафронов и С.Н. Тарасюк, океанологические исследования осуществлял А. Окунев. Комплексные исследования экосистемы залива Терпения, и разработка ее биоэнергетической модели продолжались 5 лет и, к сожалению, прекратились в связи с моим уходом из лаборатории. Однако, учитывая научные публикации СахТИНРО за последние 15–20 лет, следует отдать должное институту в том, что экосистемные исследования значительно расширились и углубились, по сравнению с нашими начинаниями. Кроме того, они ведутся не только в морской шельфовой зоне, но и в пресных водоемах с изучением межвидовых и экологических взаимоотношений в ихтиоценозах, бентосных и планктонных сообществах.

Начав работать в лаборатории, я столкнулся с острой нехваткой судового обеспечения плановых ихтиологических экспедиций. Часто сроки экспедиций не выдерживались, либо суда под них не выделялись вообще. Несмотря на это, от СахТИНРО требовались ежегодные прогнозы по всем промысловым рыбам Сахалино-Курильского бассейна. Некоторые экспедиции по шельфовым видам удавалось осуществлять на промысловых судах Сахалинрыбпрома, а вот исследования по прибрежным видам, например, по сельди и мойве в нерестовый период, часто вообще срывались. Но выход, хоть и не в полной мере, был найден.

Посоветовавшись с сотрудницей лаборатории Г.М. Пушниковой, мы решили в 1978 году начать исследования нерестилищ сельди с берега. Для этой цели мы использовали автотранспорт, шлюпки, закидной невод и легководолазов. Экспедиция осуществлялась вдоль побережья юго-западного Сахалина и залива Анива. За время таких экспедиций были разработаны методики количественного сбора материалов по нерестовой сельди и количественного сбора икры мойвы в литоральной зоне.

В январе 1982 года ушел на пенсию зав. лабораторией промысловых беспозвоночных и водорослей В.А. Скалкин. Директор предложил мне перейти в эту лабораторию на должность заведующего. Исследования беспозвоночных соответствовали моей специализации, я не прекращал их даже в лаборатории морских промысловых рыб. Исследования в этой лаборатории велись на видовом уровне, а экосистемные исследования велись на факультативной основе. Тематикой лаборатории традиционно определялись исследования по биологии и состоянию ресурсов камчатского и волосатого крабов, приморского и светлого гребешка на шельфе Сахалина и Курил, креветок, осьминогов, и командорского кальмара в Татарском проливе, морских ежей и япономорской голотурии у юго-западного Сахалина, а также разработка рекомендации по их промыслу. На основании этих исследований в начале 1980-х годов начался постоянный промысел креветок в Татарском проливе, а позднее и на охотоморском шельфе Сахалина, а в конце 1980-х – начале 1990-х годов начался промысел морских ежей у юго-западного Сахалина, в заливе Анива и у южных Курильских островов.

В 1984 году вылов лососей и некоторых видов морских рыб в Сахалино-Курильском регионе оказался значительно ниже прогноза СахТИНРО. Как и водилось в то время, директор и заведующие лабораториями были вызваны на «ковер» в отдел рыбной промышленности Сахалинского обкома КПСС, после чего В.Н. Гиренко впал в немилость и встал вопрос об его увольнении. На отчетной сессии ученого совета (январь 1985 года) прогнозы СахТИНРО также подверглись сильнейшей критике со стороны промышленности и партийного руководства. Через день после отчетной сессии меня вызвал в обком КПСС зав. отделом рыбной промышленности А.И. Костин. Он сообщил, что обком рекомендует меня на должность директора СахТИНРО, и мне надо в ближайшее время вылететь во Владивосток в ТИНРО, а затем в Москву во ВНИРО и в Министерство рыбного хозяйства для собеседования и утверждения в должности. Я возразил: во-первых, не уверен, что справлюсь с этой должностью, а во-вторых, неплохо было бы перед таким назначением поговорить со мной и узнать мое мнение. Вернувшись в институт, я пошел к Владимиру Николаевичу и рассказал о походе в обком. В.Н. сказал, что он в курсе дела и именно он рекомендовал меня обкому. В итоге директор издал приказ о моей командировке во Владивосток и Москву. Я прошел утверждение в ТИНРО, ВНИРО и Министерстве и вскоре приступил к своим обязанностям директора.

Введение 200-мильных экономических зон внесло много изменений и проблем для международного рыболовства, особенно для промысла лососей

в открытой части океана. Япония ежегодно претендовала на сохранении исторически сложившегося объема ее вылова в советской экономической зоне. Однако запасы лососей, особенно горбуши, были нестабильны и существенно различались по годам. До 1985 года исследования по сахалинским лососям осуществлялись исключительно во время промысла в прибрежной зоне и в речной период жизни. То, что происходило с лососями после откочевки молоди из прибрежной зоны и в период нагула в открытой части океана, оставалось в зоне теоретических предположений. Фактически прогнозы по вылову давались на основе величины ската молоди и уточнялись на основе статистики вылова. Естественно, качество таких прогнозов не всегда было на высоте. Вполне закономерно возникла необходимость расширения лососевых исследований за пределами прибрежной зоны. Первые исследования СахТИНРО по молоди кеты в начальный период морской жизни в Сахалино-Курильском регионе были начаты А.М. Каевым в 1985 году.

Советско-японская научная группа по изучению лососей на японском судне, июль 1985 год

Первый улов из дрейфтерной сети, июль 1985 год

В этом же году по решению советско-японской рыболовной комиссии ТИНРО начал совместные советско-японские исследования лососей в нагульный период в открытой части Тихого океана. Первая такая экспедиция состоялась в июле 1985 года на японском исследовательском судне. От советской стороны принять участие в этом рейсе директор ТИНРО поручил мне.

Стремясь увеличить свою квоту на вылов лососей в советской экономической зоне, Япония предложила Министерству рыбного хозяйства построить на Сахалине несколько лососевых рыбоводных заводов. Однако прямое инвестирование в это строительство не представлялось возможным, и в 1988 году МРХ СССР было принято решение по созданию совместного советско-японского предприятия по воспроизводству лососей на Сахалине. В состав учредителей предприятия с советской стороны были предложены Сахалинрыбпром, СахТИНРО и Сахалинрыбвод.

Весной 1989 года СахТИНРО, совместно с Сахалинрыбводом и японскими специалистами осуществил обследование наиболее перспективных рек. Для строительства первого завода была выбрана река Пиленга, в честь которой и назвали будущее предприятие. В октябре этого года Минрыбхоз издал приказ об учреждении совместного предприятия, генеральным директором которого был назначен Е.А. Краснояров.

В 1985 году, когда В.Н. Гиренко передавал мне дела, он попросил довести до конца начатое им дело по строительству собственного корпуса СахТИНРО. Я пообещал ему выполнить его наказ, хотя смутно представлял себе, как это сделать. Как я и предполагал, «пробить» финансирование и строительство здания оказалось не таким простым делом. За год или два до своего ухода В.Н. Гиренко назначил своим заместителем по хозяйственной части А.Д. Вялова, который уже был посвящен во все перипетии с проектированием здания. Я, естественно, возлагал надежды на его осведомленность и помощь.

На переговорах по учреждению. Учредители СП «Пиленга
Годо», Токио, июль 1988 год

В конце 1987 года нам все же удалось добиться включения производственного корпуса СахТИНРО в план строительства Министерства на 1988 год. Однако, Сахлинрыбпром, в план строительства которого был включен наш корпус, выделенные финансовые средства направил на строительство общежития Холмского мореходного училища. Наши переговоры с руководством Сахалинрыбпрома не возымели успеха, и мне пришлось вылететь в Дальрыбу для переговоров с генеральным директором Ю.И. Москальцовым о выполнении министерского плана строительства. Юрий Иванович в начале 60-х годов начинал свою трудовую деятельность в СахТИНРО и с интересом следил за всеми событиями в институте. Он пообещал, что даст указание Сахалинрыбпрому выделить финансирование корпуса в соответствии с министерским планом. Однако и его распоряжение Сахалинрыбпром не выполнил. Единственным вариантом добиться планового финансирования было обращение в Министерство. Телефонные разговоры и письменные обращения в Министерство также не были успешными.

Отчаявшись в бюрократической переписке, я в августе 1988 года решил вылететь в Москву. Прежде всего я направился в ЦК КПСС и добился встречи с заведующим отделом рыбной промышленности ЦК КПСС А.Е. Рухлядой. Он с пониманием отнесся к сложившейся ситуации и тут же позвонил зам. министра по строительству (к сожалению, не помню его фамилию) и дал указание немедленно выполнить плановое финансирование строительства корпуса. Я направился на аудиенцию в министерство, где зам. министра поставил условие: министерство выделит вам дополнительно 500 тысяч рублей на 4-й квартал, если эти средства будут освоены до конца года, в противном случае на следующий год финансирования не будет. Я заверил его, что мы освоим эти деньги, хотя уверенности в этом у меня не было.

Вернувшись на Сахалин, я посоветовался с А.Д. Вяловым, который успокоил меня, что сделает все от него зависящее и строительство начнется. Он решил все проблемы со строительным отделом Сахалинрыбпрома и с подрядчиками, и в октябре началась закладка фундамента корпуса. Как ему это удалось, я до сих пор удивляюсь. Так или иначе, но к концу года деньги на строительство мы освоили, фундамент здания был готов, и Министерство выделило финансирование строительства на следующий год. Все строительство велось под контролем А.Д. Вялова.

Уже к середине 1989 года корпус здания был построен, оставалось произвести внешние и внутренние работы по отделке и наполнение здания необходимым производственным и лабораторным оборудованием. Но тут опять вмешались непредвиденные обстоятельства. Это было время перестройки. По решению ЦК КПСС все вновь строящиеся производственные здания должны были быть переданы под социальные нужды – детские сады, школы, медицинские учреждения и прочее.

В июле, после моего возвращения из очередной командировки, А.Д. Вялов сообщил мне, что за это время строительство посетила депутатская комиссия с представителями облисполкома, которая сделала заключение, что здание относится к производственным и может использоваться наполовину (т. е. 2 нижних этажа) для нужд социальной сферы – под детский сад и столовую. Пришлось идти на встречу с председателем облисполкома И.П. Куропатко и разъяснять ему, что здание это не производственное в прямом его понимании, а лабораторный корпус, а институт не имеет своего здания и уже 14 лет ютится на полутора этажах в гостинице Сахалинского облрыбколхозсоюза. В результате такого существования институт, обслуживающий 60% экономики области, вынужден был закрыть важную лабораторию морских котиков и часть исследовательских программ. Но эти объяснения не убедили И.П. Куропатко. Посягательства облисполкома на половину здания продолжались. Чтобы отстоять здание, в октябре я созвал совещание с нашим парторгом Г.М. Пушниковой, профоргом Ф.Н. Рухловым и председателем совета трудового коллектива Л.Д. Хоревиным, на котором было решено обратиться к первому секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву. На следующий день я направил телеграмму в адрес М.С. Горбачева

с изложением всех обстоятельств и с просьбой защитить здание от посягательств облисполкома. Через 2 дня в исполком поступила телеграмма из ЦК КПСС с распоряжением оставить полностью построенный лабораторный корпус за СахТИНРО. Наше обращение к М.С. Горбачеву и его ответ были опубликованы в областной газете «Советский Сахалин».

На следующий день, после ответа ЦК КПСС и его публикации, утром мне позвонил И.П. Куропатко, в грубой форме накричал на меня и потребовал, чтобы вся наша четверка, подписавшая обращение к М.С. Горбачеву, явилась к нему в облисполком для объяснений и серьезного разговора. В ответ я сказал ему, что мы не пойдём к нему, а если он хочет получить от нас объяснения, то может сам прийти к нам в институт на собрание коллектива и получить исчерпывающий ответ. Пообещав, что это не пройдет для меня даром, он повесил трубку. Разговор действительно не прошел для меня без последствий, так как на следующий день я из-за сердечного приступа ушел на больничный. К тому времени было учреждено СП «Пиленга Годо».

Е.А. Краснаяров, узнав о нашем конфликте с И.П. Куропатко, предложил мне занять должность его заместителя по науке. Я принял это предложение и, не выходя с больничного, подал заявление директору ТИНРО об увольнении из СахТИНРО. На этом мои обязанности по строительству здания института закончились. Однако, финансирование строительства из-за административных реорганизаций в министерстве было заморожено на несколько лет. Сахалинское отделение ТИНРО было преобразовано в самостоятельный филиал ТИНРО, а строительство корпуса, благодаря участию и финансовой поддержке НПО «ТИНАР», завершал уже года через два сменивший меня на посту директора Ф.Н. Рухлов.